

УНИВЕРСИТЕТ 4.0: ТРЕНДЫ, ВЫЗОВЫ, ШАНСЫ

Университет как феномен культуры

Прежде, чем говорить о современных трендах и вызовах, необходимо вспомнить то, что такое феномен университета в культуре, в истории? Это первое. И второе. Разговор про тренды и будущее – это не гадание и прогноз, это предъявление позиции говорящего относительно того, какой образ будущего он хочет видеть, строить, двигаться к нему. Так называемые тренды не могут быть и не бывают анонимными и абстрактно-всеобщими. Все тренды бывают только с головами и ногами, у всех трендов есть свои носители. Поэтому тренды необходимо обсуждать в залоге желаемых образов, носителями которых являются конкретные люди, группы влияния.

Известно, что университет – особый феномен, исторически возникший из первых ремесленных корпораций в городах. Университет и возник именно как *корпорация людей*, как некая общность людей, учителей и учеников (*Universitas magistrorum et scholarium*). В генезисе университета были заложены два основных смысла «университета» как *символа всеобщего* – это сообщество людей и то всеобщее, универсум, ради которого люди объединяются. Кто объединяется и во имя чего? Ученое сообщество во имя универсума знаний? Цеховые корпорации ради универсума ремесел? Профессура и студенты ради компетенций? Социальные сообщества ради коммуникаций? Постиндустриальные инженеры ради технологий? Какие бы мы ни называли современные революции (цифровая или еще какая), происходит процесс объединения и образования сообществ. Но ради чего?

В этой связи принципиальным остается вопрос: что есть университет будущего как сообщество и ради чего оно, это сообщество, объединяется?

И тогда в этой рамке универсума надо обсуждать наши желаемые образы будущего. Коль скоро, виновником торжества всегда выступает человек, остающийся всегда становящимся пятым элементом (*quinta essentia*), то перед университетом ставится культурное задание: универсальность развития будущего человека. Вокруг этого задания и строит университет будущего. Такое самоопределение университета будущего вполне подходит и под родовое понятие университета, и под родовое становление самого человека. Разумеется, этой универсальности сопротивляются разные другие тренды – цифровая революция, виртуальный тренд, смена идентичности и проч.

Тренды и вызовы

В контексте выше сказанного я бы отметил не сами по себе тренды, а использование группами влияния разных явлений и феноменов в пользу нужного им тренда. Например, умный гаджет (и связанный с ним тренд цифровизации и интернетизации образования) можно использовать как во благо, так и во вред. С другой стороны, тренды в реальности проявляются не неким списком, а как некие противоборствующие линии.

Например, тренду глобализации сопротивляется тренд локализации (учет специфики и особенностей регионов и стран). Тренду виртуализации (его носители – технократы, инженерные сообщества и политики, за которыми стоят большие деньги и заказы на R&D) противостоит тренд, носителями которого выступают неотрадиционалисты, радетели зеленых революций, экологии, этнокультуры и проч. (назад в деревню, отказ от умных гаджетов!).

Но важнее другое. Трендом выступает то массовидное явление, которое закрепляется в институтах и традициях, проявляется в повседневных

человеческих практиках, влияет на радикальное изменение носителя этих практик, самого человека, а не просто некая технологическая революция.

Дело не в самом по себе умном гаджете. Дело в том, как перераспределяются функции и работы в интерфейсе человек-машина. Здесь как раз и происходят серьезные изменения, которые я называю *трендом жизненного аутсорсинга*: перераспределение базовых работ и функций в пользу другого, умного устройства, передача их от человека машине. Человек отдает все, не только рутинные, но и базовые функции машине, которая становится все более умной (считать, писать, запоминать, архивировать, хранить, передавать знания, мыслить, работы и функции и т.д.). Эти работы все более успешно делает машина, точнее техническое устройство. Дальше – больше: машину учат чувствовать, любить, жить... В итоге мы получаем тренд ухода человека.

Человек высвобождает себя под... И здесь вопрос и вызов – под что человек себя высвобождает? На повестку встает ключевой вопрос – что человек делает в свободное от работы время? Становится актуальной тема индустрий свободного времени, креативных индустрий, креативных городов, умных технологий и проч. Это следствие радикально влияет и на списки будущих профессий, и на инфраструктуру обитания в городах, и на образ жизни, и на индустрии производств продуктов и услуг и проч.

Но это уже следствие более фундаментального процесса аутсорсинга, который начался не вчера, а давно, с тех пор, как обезьяна стала использовать палку для того, чтобы сбить плод с дерева (удлинив руку, «доверив» работу палке).

Этому тренду сопротивляться бесполезно. Он идет давно и глубинно. И это ключевой вызов. Другое дело – встает вопрос о том, почему человек предпочитает в массе своей именно его, а не то, чтобы использовать все более умнеющий гаджет себе на развитие, а не на то, чтобы отдать гаджету все свои работы и заботы. Поскольку, именно в заботе человек и стал человеком. Отдавая заботу на сторону, он перестает быть самим собой. Ну и зачем ему университет? Точнее, университет становится универсумом беззаботного существования, универсумом потребления. Мы такой хотим?

Второй тренд, связанный с первым – *виртуализации*. Точнее, тренд ухода человека в виртуал и выстраивание в нем иного образа жизни. Это тренд заключается не просто в том, что человек предпочитает все больше сидеть в виртуале, в чатах, в сетях, закрываясь никами, занимаясь троллями и проч. Этот тренд означает *смещение ценностного центра* из реального социального мира – в другой, тоже реальный, но виртуальный мир. Там, в виртуале, человек чувствует себя комфортно, он там востребован, там его любят, ценят, он там значим и т.д. Вопрос поэтому состоит не в том, что происходит какая-то цифровая революция (цифра – всего лишь средство, технология), а в том, что человек предпочитает спрятаться за эту цифру.

Простой пример. Цифровизация музеев, коллекций, библиотек, хранилищ, перевод книг и других оригиналов, носителей наследия в цифровой формат помогает сохранить это наследие. Да, это важно. Также важно и то, что в цифре наследие легче передавать, выстраивать интернет-выставки, быть более мобильным и проч. Но развитие человека всегда строилось на том, чтобы приобщать его к оригиналу, к источнику. Литературу нельзя изучать на муляжах-заменителях, в цифре. Физику нельзя изучать на учебных тренажерах. Нужны оригиналы – реальное чтение реальных книг реальных авторов. Нужно реальное включение человека в реальный физический эксперимент, а не только обучение его на тренажерах.

Поэтому так называемая цифровая революция задевает лишь технологический срез проблемы. Сама проблема в другом – в выборе человека, в

том, какой он делает выбор, массовидный и расширяющийся, в пользу чего – пользоваться цифрой-заменителем, муляжом, копией или он предпочитает оригинал? Современные индустрии ему подсовывают копии, поскольку за этим стоят деньги, заказы, группы влияния. В таком случае, он сам, человек, становится копией, что и происходит.

Другой пример. Мировые университеты расширяют проекты и программы МООС (Massive Open Online Courses). Десятки миллионов молодых людей записываются на онлайн курсы, становясь иностранными студентами и проходя обучение в формате дистанта, неконтактного обучения. Определенная эффективность этих курсов очевидна. Эти курсы делают образовательную услугу более доступной (цену вопроса пока не обсуждаем) и не зависимой от субъективизма преподавателя и не дают студенту играть в игру угадайку. Но если такое образование начинает замещать собой в целом образование и университет, то мы получаем иной эффект. Преподаватель уходит как фигура. Он не нужен. Нет личного контакта. Нет феномена личностного воздействия. Студент получает в свою корзину набор образовательных услуг, набирает кредиты. Контакт не нужен. Достаточно получить услугу на расстоянии. Как секс по телефону. Также нет здесь и феномена студенческого сообщества. Не нужны и кампусы. Пока такой тренд выступает как дополнительная услуга. Но на лицо усиление и массовизация этой услуги.

Третьим трендом в этой связи становится тренд *радикальной смены идентичности человека*.

Усиление тренда, направленного на мобильность в открытом мире, всем известен. Формируется homo mobilis. Что за этим стоит? Какой образ жизни? Какой тип человека формируется? Современный человек (точнее, так называемый креативный класс) демонстрирует сидячую мобильность: в самолете (машине), с мобильником, планшетником и в социальных сетях. Мобильность у него странная – технико-интернетная. Он, конечно, в том числе любит и путешествовать, то есть физически перемещаться. Но очаги культуры он не познает. Он предпочитает жить в отелях и купаться в бассейнах и теплых морях.

Если говорить о мобильном образовании, то посредством системы образовательных кредитов создается модель всемирного супермаркета, в котором студент набирает потребительскую корзину. Не факт, что в корзине у него качественные образовательные услуги. Мышление не купить и не упаковать в категорию услуги. Значит надо строить иную модель или встраивать ее в модель супермаркета. Но в ней максимум, что можно сделать – это встроенный учебный тренажер. Это уже давно делается. И тренажером самолета не заменить оригинал. Когда-то студенту необходимо пересаживаться в реальный самолет.

В силу действия выше названных трендов аутсорсинга и ценностного смещения в виртуал формируется и соответствующая идентичность – киборг. Это не техническое устройство. Это гибрид человека в его привычном телесном виде и машины. И, кстати, телесный вид давно начинает изменяться – давно показано, что человек в его телесности в принципе заменим. Можно заменить его ноги, руки, органы, и даже можно сканировать его мозг. Сторонники такой радикальной замены, трансгуманисты, представляют себе человека как функциональное устройство, в котором в принципе все его части заменимы на более долговечные, в результате чего можно сконструировать постчеловека.

Как отражаются выше названные базовые антропологические тренды на складывание образа университета будущего? Самым прямым и радикальным образом.

Риски и шансы

На повестку дня выходит образ университета виртуального, в котором нет людей, а есть построенная технологическая матрица, по которой перетекают потоки информации, а человек растворен в этой матрице. И это не фантастика. Это уже происходит. Что делают мировые университеты, создавая on-line курсы, МООС, и выстраивая дистантное образование, записывая на них десятки миллионов студентов? Это и есть матрица. Там нет людей. Мыслить им не обязательно. Они подключаются к этой мегамашине, платят за услугу и получают порцию информации. Это не хорошо и не плохо. Это просто факт.

Или чего стоит борьба российских университетов за вхождение их в мировые рейтинги? В Проект «5 100» качаются огромные деньги, пишутся тонны отчетных материалов, считаются индексы, строятся рейтинги, а про качество образования, про человека, то есть, про студента и преподавателя, мало кто думает. Все встроены в мегамшины. Все это понимают, но продолжают играть в эту игру. Потому что университеты включились в эти мегамшины, с тем, чтобы не отстать, не быть выброшенными, чтобы получить дополнительные бюджетные ресурсы.

Что можно и нужно предложить в противовес мировой виртуальной матрице? Здесь мир ничего нового не придумал. Ответ один – автономную свободную, мыслящую личность. Маленький человек Евгений у Пушкина уже бросал вызов истукану, Медному всаднику – Ужó тебе! Нам остается делать то же самое.

Только тот университет будет реально конкурентоспособным и современным, который будет выстраивать не практико-ориентированное образование (это капкан, практика бывает и порочной), а личностно-ориентированное образование. Вокруг конкретного человека надо строить образование, а не встраивать его в мегамшины.

А значит, даже если университет и большой, и в нем учатся десятки тысяч студентов, вопрос стоит также: выстраиваются ли в нем очаги самоопределения и самообразования, вокруг которых и создаются сервисы, условия, технические, организационные, финансовые ресурсы, или не выстраиваются? Создаются в университете такие полигоны личностного развития или человек встроен в мегамшины разного типа?

Поэтому университет как универсум, как общность, может объединяться ради универсального человека и только. Все остальное – лукавство, капканы, редукции, прилады, сервисы и условия. Ведь разного рода виртуальные и технологические модели современных университетов пытаются использовать, эксплуатировать только нужную им модель человека, то есть, его часть, человека частичного, а потому ущербного, которым, разумеется, легче манипулировать. Какие здесь предложены варианты?

Модель университета-супермаркета. Здесь достаточно иметь человека-потребителя, покупающего образование как услугу и набивающего корзину образовательных кредитов. Набрал 120 кредитов – получи бакалавра. Причем, любого колледжа – европейского, американского и проч.

Университет проектного типа. Здесь выстраивается модель человека проекта, предпринимателя. Но далеко не все люди могут вступать в такую модель. Она жесткая, рассчитана на витально сильных, активных и жестких.

Модель неоконсервативного типа, модель университета-консерватории. Она нацелена на сохранение наследия и на приобщение к наследию, архивам, классике, образцам. Такая модель возможна. Но она не может быть универсальной и единственной. Она вообще предполагает штучное образование, подготовку уникальных людей, людей с дарованием. Это театральные вузы, консерватории, художественные, хореографические училища и т.д. По этой модели можно готовить, например, и педагогов-тьюторов. Штучно, под заказ.

Какую модель ни возьми, будет пример, модель, отдельный тип с выделенным, одним, базовым процессом. И объединить их тоже нельзя. А в результате выходят из таких моделей человеки-недоделки, частные и ущербные. А модель гибридного типа, модель-конфигуратор, выстроенную по принципу трансформера, еще никто не сделал.

Поэтому обсуждать приходится не модели и не отдельные образы будущего, а разные политики. Какую образовательную, научную, в целом человеческую политику будущего мы выбираем и выстраиваем? На какого человека ориентируемся? Какие базовые приоритеты и принципы кладем в основание? И уже при выборе этих базовых принципов и ориентиров возможны и разные модели и образы будущего университета.

Поэтому на первое место выходит война двух политик – матричной, с одной стороны, и человекоориентированной, «человекосоразмерной», с другой. Именно этот конфликт – между университетом-матрицей, пожирающей все, в том числе и самого человека, ее создавшего, и университетом как универсумом человека, размерным ему, и будет строиться ключевой нерв и конфликт будущего. Есть сторонники и того, и другого, не важно, сознают они это или нет. У нас же, как всегда, все делается с благими намерениями!